

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ САЙМОНОМ КЛАРКОМ

— *Кем Вы себя считаете: социологом или ученым другой дисциплины? Если да, то почему?*

— Я считаю себя специалистом в области социальных наук, не признающим принятые дисциплинарные границы. Поскольку в социологии эти границы определены гораздо менее четко, чем в других социальных науках, то я считаю себя социологом, который, однако, видит в социологии фундаментальную всеобъемлющую социальную науку, а не некую остаточную дисциплину, смежную с политологией и занимающую подчиненное положение по отношению к экономике.

— *Каким был Ваш путь в социологию?*

— В университете я планировал изучать математику чтобы потом стать астрофизиком, но поскольку я был политически активным человеком, то в последний момент решил заняться экономикой, ошибочно полагая, что именно она призвана решать важнейшие социальные и политические проблемы.

Начало шестидесятых годов XX в. — это время возрождения радикальной политики в Британии, когда молодежь принимала активное участие в кампании за ядерное разоружение. Большие надежды возлагались на победу на выборах лейбористской партии, поскольку она взяла на себя определенные обязательства в отношении ядерного разоружения, приняв ряд резолюций на своем предвыборном съезде. Однако эти надежды разбились вдребезги, когда избранное в 1964 г. лейбористское правительство приняло решение о дальнейшем производстве ядерных вооружений и поддержало США в войне против вьетнамского народа. После недолгого затишья фокус борьбы сместился в сторону войны во Вьетнаме, что очень скоро привело к образованию фронта антиимпериалистической солидарности. Были подняты фундаментальные вопросы относительно природы капитализма, а так-

же, принимая во внимание несостоятельность лейбористского правительства, относительно пределов либерально-демократической политики. Студенты принимали активное участие в движении и скоро задались вопросом об идеологическом характере социальных наук, поддерживавших империализм и капитализм, а также поставили под сомнение недемократические структуры управления университетами. Таким образом, подъем студенческого движения начиная с 1967 г. стал частью движения с лозунгом «Верните войну домой» — своеобразным ответом на призыв Че Гевары «создать один, два, три Вьетнама». Разумеется, с политической точки зрения, студенческое движение было невероятно наивным, но оно долгое время оказывало сильнейшее воздействие на развитие интеллектуальной сферы, особенно социальных наук.

В 1960-е гг. в левых интеллектуальных кругах в моду постепенно вошел марксизм, причем особое внимание уделялось ранним работам Маркса, а также интеллектуальной эволюции гуманистического «Западного марксизма», поднимавшего фундаментальные вопросы о классовом сознании и самоопределении, а потому столь же критически относившегося к Советскому Союзу, как и к капитализму. Когда я был студентом, наиболее важной фигурой был Жан-Поль Сартр, а немного позже большое влияние приобрели ранние работы Георгия Лукача (что касается Герберта Маркузе, то в Соединенном Королевстве он был гораздо менее популярен, чем в США, несмотря на то, что студенческие движения Америки, Великобритании и Германии достаточно активно взаимодействовали между собой).

Я изучал экономику в Кембридже и занимался в соответствии с учебным планом экономического факультета, но одновременно с головой ушел в чтение марксистской литературы. Как экономист, я читал работы зрелого Маркса и в первую очередь «Капитал», который в то время считался скучным трудом по чисто техническим аспектам экономики, так что большинство молодых марксистов его не читали вовсе, но в то же время он не был включен и в программу экономического образования. После окончания университета по специальности «экономист» я в течение года работал преподавателем в Лондонском университете, но вскоре обнаружил, что, занимаясь преподаванием неоклассической экономики и общаясь исключительно с коллегами-экономистами, я уже начинал думать как экономист. Я решил, что пришло время заканчивать с экономикой, пока я полностью не лишился интеллектуальных способностей, так что я отказался от должности и поступил в докторантуру по социологии.

— *Кто был Вашими учителями?*

— Кембриджский факультет социологии оставался одним из последних мест, где экономику преподавали как социальную науку, интеллектуальные основы которой могли быть подвержены пересмотру. Тогда еще существовала особая «кембриджская традиция», восходящая к Альфреду Маршаллу и затем к Джону Майнardu Кейнсу: она жила в коллегам и студентах Кейнса, среди которых особое место занимали Ричард Кан и Джоан Робинсон (последняя к тому времени стала маоисткой и даже носила весьма эксцентричный костюм китайской крестьянки), а также неорикардянцы Пьеро Срафф-

фа и Морис Добб (который сам определял себя как марксиста). Однако эти старые традиции быстро вытеснялись новым поколением, принадлежавшим неоклассической экономической школе, одним из представителей которой был мой научный руководитель Крис Блисс. Лекции Мориса Добба обернулись для меня глубоким разочарованием: они давали представление лишь о традиционном ортодоксальном подходе экономики благосостояния, так что я не мог обнаружить в них и намека на марксизм. Крис Блисс же преподал мне один урок, который, как мне кажется, показал мне, что именно экономика может привнести в социальные науки. Речь идет о важной роли точной и скрупулезной научной мысли. Границы же такого мышления определяются тем фактом, что если в его основе изначально лежат ложные посылки, то оно неизбежно приводит к неверным выводам.

В годы моего студенчества между представителями английского Кембриджа и Кембриджского университета штата Массачусетс разгорелась напряженная дискуссия по поводу ряда существенных технических недостатков, присущих неоклассической экономике, — дискуссия, победу в которой, с интеллектуальной точки зрения, одержал английский Кембридж, однако с точки зрения политической победа, безусловно, оказалась на стороне американского университета. Я внимательно следил за ходом дискуссии, но у меня сложилось впечатление, что недостатки неоклассической экономики не носили исключительно технического характера: ей были присущи и те минусы, которые обнаружила предложенная Марксом критика политической экономии. Так что в общем мои учителя служили для меня скорее некой негативной «контрольной точкой», чем образцом для подражания; положительное же влияние я испытывал со стороны товарищей по учебе.

После года преподавательской деятельности в Лондоне я поступил в докторантуру по специальности «социология» в университете Эссекса. Формально моим ведущим научным руководителем был философ Аласдер Макинтайр — до тех пор, пока он не перебрался в США, однако на деле его роль оставалась минимальной: в основном я работал самостоятельно, советуясь и сотрудничая при этом с товарищами по учебе.

Первоначальная тема моей диссертации была следующая: я планировал провести сравнительное исследование рабочих, занятых в нефтяной и сахарной промышленности, на острове Тринидад. Я уже ездил на Тринидад в 1967 г. как консультант при Профсоюзе Нефтяников. Согласно моей гипотезе, в то время как тринидадские нефтяники располагали собственным активистским профсоюзом и использовали революционную риторику, рабочие сахарной индустрии, которые в целом были пассивны и политически малоподвижны, обладали гораздо большим революционным потенциалом в силу тяжелых условий труда и жизненных условий, а также из-за отсутствия каких-либо институциональных каналов, через которые они могли бы выражать свое возмущение. Вскоре моя гипотеза подтвердилась: в Тринидаде произошло антиправительственное восстание, в котором рабочие сахарной промышленности играли чрезвычайно активную роль. Однако к тому времени мои научные интересы уже сместились в сторону более теоретических вопросов, связанных с марксистскими теориями идеологии, а также с

полемикой, разгоревшейся между представителями феноменологического и структуралистского подхода к теории идеологии.

К тому времени начал приобретать влияние структуралистский марксизм Луиса Альтюссера. Альтюссер предлагал радикальную критику гуманистического марксизма, основанную на традиционной марксистско-ленинской интерпретации концепции Маркса, но облеченную в некие эзотерические философские одежды. Хотя произвольный субъективизм, присущий феноменологии (позже он выродился в нигилистический субъективизм постмодернизма), меня совсем не удовлетворял, но и альтюссеровская интерпретация Маркса в духе сталинизма представлялась мне абсолютно неубедительной. Однако критика Альтюссера заставила меня вновь внимательно перечитать труды Маркса с тем, чтобы сформировать основу для критики марксистского структурализма.

В течение трех лет, пока я был в докторантуре, значительная часть моего времени была посвящена студенческой политике. Когда я был на первом курсе, мы захватили университет и в течение приблизительно шести месяцев осуществляли внедрение альтернативной образовательной программы в рамках основного блока предметов. Кроме того, я принимал участие в создании национальной студенческой организации, Революционной Социалистической Федерации Студентов, которая своим существованием оспаривала господство Лейбористского Национального Союза Студентов (во главе которого стоял Джек Стро, нынешний министр иностранных дел Великобритании; теперь можно часто услышать мнение, что в годы студенчества он имел радикальные убеждения, но по сути он был как раз активным противником студенческого радикализма). Лишь на третьем курсе аспирантуры я остановился на определенной теме для моей диссертации: речь шла о критике структурализма на примере работ Клода Леви-Строса как основателя структурализма. Вдохновение я черпал в первую очередь у советских теоретиков марксизма 1920-х, особенно у Волошинова (Бахтина) и Льва Выготского. Методологически я также опирался на предложенную Марксом критику политической экономии. Результатом диссертации стала моя первая книга «Основания структурализма» (1981). В то же самое время я разработал критику альтюссеровского марксизма и опубликовал две критические статьи об Альтюссере и Н. Пулантзасе, которые произвели нечто вроде скандала. Главный тезис состоял в том, что структуралистский марксизм был по сути марксистско-ленинской версией структурного функционализма, которая полностью утратила критическое измерение марксовой критики политической экономии.

Завершая работу над докторской диссертацией, я в течение года одновременно читал лекции в университете Эссекса, а затем в 1972 г. перевелся лектором в Уорикский университет (the University of Warwick), где и работаю до сих пор.

— *Кто из Ваших учителей в наибольшей мере повлиял на Ваше профессиональное становление?*

— Я никогда не был последователем какого-нибудь гуру. В мою бытность студентом главными моими учителями были товарищи по учебе и

активисты студенческого движения, а в качестве преподавателя я всегда учился у собственных студентов и коллег.

— *Каковы области Ваших исследований и преподавания в социальных науках?*

— На протяжении 1970–1980-х гг. как в преподавательской, так и в исследовательской деятельности я уделял основное внимание марксистской социальной теории. Мое понимание Маркса стало значительно глубже благодаря участию в семинаре, в рамках которого мы с коллегами на протяжении двух лет читали «Капитал» и связанные с ним тексты. В значительной мере моему пониманию «Капитала» как работы, содержащей критику политической экономии, способствовало чтение трудов двух других советских авторов 1920-х гг.: Исаака Ильича Рубина и Евгения Пашуканиса. Результаты этого исследования я в итоге опубликовал в книге «Маркс, маржинализм и современная социология» (1982 и 1991), в которой я доказывал, что критика политической экономии Маркса одновременно представляет собой и критику основ либеральной социальной теории, а следовательно, может использоваться как элемент критики современной экономики и социологии, и в особенности той социологической традиции, восходящей к Веберу и Парсонсу, в которой либеральная экономическая теория дополняется либеральной социальной теорией.

Кроме того, моя работа по-прежнему оставалась тесно связанной с насущными политическими проблемами. В 1970-е гг. центральной для левого крыла выступала проблема границ социальной демократии, примером чему служили неудачные попытки социально-демократических правительств добиться хоть каких-либо заметных улучшений, особенно в таких странах, как Великобритания и Германия. Неудачи социальной демократии — это не просто неудачи субъективного характера: ведь деятельность различных правительств неизменно осуществлялась по сходному образцу, несмотря на то, что эти правительства действовали в разных странах, в разные периоды времени и возглавлялись разными лидерами. В связи с этим возникала теоретическая проблема относительно той специфической формы капиталистического государства, которая представлялась автономным политическим институтом, а на деле оказалась подчинена воспроизводству капиталистических социальных отношений. В 1970-х эта проблема широко обсуждалась в Великобритании и Германии, и в качестве итога полемики в свет вышел целый ряд работ, представлявших собой марксистский анализ капиталистической формы государства. Я принимал активное участие в этой дискуссии и даже выступил редактором книги, которая носила название «Дискуссия о государстве» и включала некоторые ключевые для британской дискуссии тексты, предварявшиеся аналитическим введением.

Победа Маргарет Тэтчер на выборах в 1979 г. привела к радикальной реструктуризации британского государства и одновременно определила возникновение новых, более конкретных вопросов по объяснению изменений в капиталистической форме государства. Именно к этим вопросам я обратился в другой своей книге, «Кейнсианство, монетаризм и кризис государства» (1988), в которой попытался проследить историческое развитие капи-

талистической формы государства, начиная с восемнадцатого столетия и вплоть до возникновения неоллиберализма. Позже в одной своей статье, написанной в 1989 г., я использовал ту же структуру анализа для изучения распада советского государства. В этой работе я утверждал, что кризис советской системы представляет собой не столько кризис социализма (и отнюдь не потому, что Советский Союз не был социалистическим), сколько кризис самого государства, которое стремилось к самоуничтожению с тем, чтобы избавиться от ответственности за проблемы, которые оно было не в состоянии разрешить.

В качестве контекста моего анализа трансформаций капиталистической формы государства выступала идея о периодическом всплеске кризисных тенденций в капиталистическом накоплении, однако я прекрасно осознавал, что работы Маркса о кризисе являются достаточно обрывочными и неполными, а в марксизме также не существует адекватного объяснения кризисных тенденций капитализма. Это заставило меня провести подробное исследование тех произведений Маркса, где затрагивается тема кризиса, а также других работ в рамках марксистской традиции, привнесших свой вклад в рассмотрение этого вопроса. Результаты моей работы вылились в книгу «Теория кризиса Маркса» (1994), в которой предлагалась реконструкция теории Маркса, выполненная на основе тщательного анализа его работ, а также более краткий обзор марксистской традиции в целом.

За годы моей преподавательской деятельности я прочитал множество курсов, но большинство из них принадлежало полю социальной теории, в том числе и курс по социальной теории Маркса для аспирантов. Разумеется, я часто осуществлял и научное руководство у докторантов.

— Вы серьезно занимаетесь марксистской социологией, являетесь одним из ее сторонников и развиваете ее. Каково положение современной марксистской социологии в Великобритании?

— Важно подчеркнуть, что мое понимание марксизма основано на чтении работ самого Маркса, и потому оно очень отличается от марксизма-ленинизма, который стал в Советском Союзе государственной идеологией и который, как я постарался показать в статье, несколько лет назад опубликованной в журнале «Рубеж», в своем становлении опирался в основном не на Маркса, а на теоретическую традицию народничества, примером которой являются идеи Плеханова. Марксистская социология вошла в моду в Британии в 1970-х, но большинство направлений этого «марксизма» своими идеями были больше обязаны различным авангардным течениям буржуазной философии, чем трудам Маркса, и быстро избавились от марксистского декора, когда мода изменилась. Марксизм по-прежнему сохранил влияние в определенных областях социологии, особенно в социологии труда и политической социологии, но в целом марксизм в Британии был поглощен системой социологии, ориентированной по преимуществу на Вебера, так что в наши дни марксистская социология в Британии представлена чрезвычайно слабо. Сегодня «центр тяжести» марксистской социологии в мире приходится на Латинскую Америку, хотя существенный интерес к наследию Маркса демонстрируют и студенты из Южной и Юго-восточной Азии. Многие

британские аспиранты также испытывают большой интерес к трудам Маркса, но открытые перед ними возможности серьезного изучения Маркса весьма невелики.

— *Чем вообще характеризуется ситуация в современной социологии в мире? Какие направления утратили свое значение, а какие, с Вашей точки зрения, перспективны?*

— Мне кажется, социология сегодня чрезвычайно фрагментирована. Кроме того, я считаю, что сложно охарактеризовать какие-либо специфические, точно определенные направления в социологии, потому что траектории развития социологии скорее свойственна цикличность, чем эволюционность. Что модно сегодня, через пять или десять лет окажется в полном забвении (это я узнал по собственному горькому опыту: мне понадобились годы, чтобы разработать строгую, систематическую критику структурализма, и все это лишь затем, чтобы в момент публикации обнаружить, что структурализм уже пал жертвой губительной критики времени. Вообще мне кажется, что модные социологические теории напоминают обычный насморк: от них болит голова, но время в данном случае — лучший врач, и вскоре они тихо проходят сами по себе). Буржуазная социальная теория всегда формировалась на базе оппозиции между субъектом и объектом, индивидом и обществом, структурой и деятельностью, и каждая отдельная теория охватывала лишь один полюс этой дихотомии, разумеется, заявляя при этом, что объединяет в себе оба полюса. Мне кажется, отличительная черта марксистской социологии заключается в том, что сам Маркс отрицал конститутивный характер этих оппозиций: для него индивид — это существо социальное, и как индивид он формируется лишь внутри общества. При этом оппозиции «индивид – общество», «субъект – объект» конструируются социально, прежде всего в рамках буржуазной политической экономики или экономической теории. Таким образом, в целом буржуазная социальная теория характеризуется противостоянием индивидуализма и органицизма, а ее общая структура состоит в сосуществовании/трансформации различных форм абстрактного структурного функционализма/системной теории (вариантом которой я считаю советский марксизм-ленинизм) и различных форм релятивистского (индивидуалистического) эмпиризма. Последние два десятилетия ознаменовались расцветом и упадком постмодернистского варианта эмпиризма в Европе, в то время как в Соединенных Штатах господствующие позиции в социологии заняли различные варианты системной теории, основанные на индивидуалистической теории рационального выбора (сменившей те психоаналитической теории, на которых базировалась социология Парсонса) и нашедшие выражение в сложном статистическом анализе данных исследований. Как мне кажется, эти «социологические теории» гораздо точнее определяются термином «направления социальной философии», поскольку они, в сущности, не обладают никаким реальным содержанием, а только отражают буржуазные предрассудки и предубеждения нашей эпохи. Между тем, эмпирическая социология склонна менять обличье, следуя мимолетной моде; совершенно очевидно, тем не менее, что количественные исследования лучше согласуются с сциентистской ориентацией системной теории, в то время как качественные исследования ближе теоретическому релятивизму.

— *Могли бы Вы хотя бы кратко обрисовать картину развития социологии в современной Англии?*

— С точки зрения теории, британской социологии всегда был присущ эклектический синтез Маркса, Вебера и Дюркгейма, причем вес каждого элемента менялся со временем, а в сам синтез включались идеи все новых мыслителей по мере того, как они входили в моду. В конце 1960-х — 1970-х годах на пике моды оказались феноменологическая социология и марксизм в интерпретации Альтюссера; в 1980-х — начале 1990-х их место занял Фуко, которого, в свою очередь, сменил постмодернизм. Сейчас можно наблюдать возвращение в социологию Дюркгейма, поскольку все больший вес приобретает и концепция Бурдьё. Значимый вклад в развитие британской социологии, начиная с 1980-х годов, внес также феминизм, хотя его роль скорее ограничилась уточнением вопросов, которые должны ставить перед собой социологи, чем определением каких-либо особых теоретических перспектив. Феминизм и постмодернизм вместе инициировали настоящую вспышку «исследований культуры», в центре которых стояли вопросы репрезентации, особенно гендерной идентичности и сексуальности.

Исторически британская социология сильна преимущественно эмпирическими исследованиями, а не тем теоретическим вкладом, который она внесла в мировую науку. Значительная часть эмпирических исследований была тесно связана с проблемами социальной политики, и не в последнюю очередь потому, что именно в этой сфере реальнее всего добиться финансирования. Что же касается методологии, то в британских исследованиях преобладали качественные методологии, что отчасти определялось наличием сильной антропологической традиции.

— *Как развивается и как преподается социология в университете Уорика, где Вы работаете уже более 30 лет?*

— Факультет социологии в Уорике был основан только в 1970 году, но сейчас это уже один из крупнейших и наиболее влиятельных социологических факультетов в Великобритании: он также известен чрезвычайно развитой системой аспирантуры, которая привлекает студентов со всех концов мира. Факультет был основан Джоном Рексом, который был и остается радикальным веберianцем и который, тем не менее, старался принимать на работу интересных ученых вне зависимости от их теоретических предпочтений. В результате на факультете представлен широкий репертуар теоретических ориентаций, и все они включены в учебную программу. Мы предлагаем студентам большой выбор, так что у них есть возможность самим решить, что бы им хотелось изучать (еще одна причина заключается в том, что мы сами так и не пришли к согласию относительно того, какие требования для получения степени в области социологии должны стать обязательными и составить ядро нашего образования!). Если у нас и есть один общий принцип, которым мы все руководствуемся, так это идея о том, что теоретическое, методологическое и предметное измерения социологии неразделимы, и мы стараемся обеспечить все условия для того, чтобы наша преподавательская и исследовательская деятельность имела под собой достаточные теоретические основания и осознанную методологическую базу

и обладала практическим содержанием. Мы также надеемся, что мы относительно неуязвимы для капризов моды и именно поэтому избежали заразы, которую нес в себе подъем структуралистского марксизма, а позже — постмодернизма, хотя и Фуко, а позже Бурдьё нашли сторонников у нас на факультете.

И в преподавании, и в том, что касается исследовательских проектов, наш факультет особенно силен в области социальной и политической теории (включая марксистскую социологию), социологии труда, гендерной социологии, индустриальной социологии, социологии здоровья, социологии образования, социологии расовых и этнических отношений и социологии культуры. И преподаватели факультета, и наши докторанты проводят исследования практически во всех уголках мира.

— *Известно, что Вы начиная с 1990-х годов активно занимаетесь исследованиями в России.*

— Меня всегда интересовал Советский Союз, но исследования в стране, где было невозможно свободно говорить с людьми, казались мне бесперспективными. Я посетил Россию с группой студентов в марте 1990 г., а в декабре снова приехал на неделю с курсом лекций для ВКШ (Высшая комсомольская школа). Там я впервые познакомился с молодыми российскими социологами, принимавшими активное участие в неформальном движении. Некоторые из них впоследствии стали моими коллегами и сотрудниками. После еще одной поездки в Россию с моими студентами в марте 1991 г. мы с моим коллегой Питером Феабразером (Peter Fairbrother) приняли решение провести ряд исследований в этой стране. Началом послужило изучение новых рабочих движений, особенно в угледобывающих регионах, для проведения которого мы получили небольшой исследовательский грант. Несколько месяцев спустя мы получили еще один грант на изучение реструктуризации российских предприятий, предполагавшее проведение лонгитюдных case-study промышленных предприятий в четырех регионах России. Так началось развитие нашей исследовательской программы.

— *Вы также являетесь организатором и научным директором Института сравнительных исследований трудовых отношений. Чем вызван Ваш интерес и каковы результаты проведенных этим институтом исследований?*

— Мы с моими русскими коллегами основали ИСИТО с тем, чтобы обеспечить институциональные рамки для наших совместных исследований, а также наделить нас некой коллективной идентичностью. Название института очень точно отражает центральные темы нашей исследовательской работы, посвященной множеству различных аспектов труда и трудовых отношений и осуществляемой в методологических рамках сравнительной социологии (причем осуществляется сравнение как различных феноменов российской действительности, так и России с другими странами мира). Мне кажется, можно выделить несколько отличительных черт нашего института. Во-первых, особое внимание в наших исследованиях всегда уделялось изучению и пониманию российской специфики, а не попыткам навязать

заимствованные у западных авторов модели для анализа российской реальности. Во-вторых, мы неизменно старались проводить наши исследования в соответствии с самыми высокими международными стандартами. С этой целью мы пытались гарантировать такие условия, в которых все наши сотрудники имели бы возможность повышать квалификацию в самых передовых центрах преподавания социологии в России, принимать участие в самых важных конференциях и семинарах. Кроме того, все сотрудники, занимающие руководящие позиции в нашем институте, прошли стажировку в западных университетах. Мы не поддавались искушению братья за любое исследование по гранту или контракт (которые по большей части были копеечными): мы всегда старались удостовериться в том, что сотрудники института располагают достаточным финансированием для проведения по-настоящему высококачественных исследований. В-третьих, несмотря на то, что мы проводили чрезвычайно точные исследования и располагали всеми возможностями для анализа самых сложных количественных данных, большинство наших проектов, тем не менее, предполагало использование преимущественно качественных методов социологии и в особенности метода case-study, который едва ли был известен в Советском Союзе и который до сих пор не получил признания в определенных кругах российской социологии. Пожалуй, ИСИТО обладает самым большим в России опытом проведения качественных социологических исследований, и ведущие специалисты в области качественной методологии работают у нас. В-четвертых, в наших исследованиях особое значение всегда придавалось гендерным аспектам труда и трудовых отношений, так что некоторые мои коллеги добились ведущих позиций в российской гендерной социологии.

— *Вы опубликовали несколько книг о России. Можно ли кратко наметить основные выводы данных исследований, так как, полагаю, многие российские социологи не знакомы с вашими публикациями по российской тематике?*

— Мы с российскими коллегами опубликовали около двадцати книг и несколько сотен статей по результатам наших исследований на английском и русском языке. Разумеется, просто невозможно подвести итог такой колоссальной работе всего в нескольких словах. Без сомнения, многие ваши читатели должны быть знакомы с целым рядом данных, полученных в результате проведенных нами исследований, даже если они не знают, что эти работы были выполнены ИСИТО. Самое общее заключение, которое я мог бы вывести из наших исследований, пожалуй, состоит в том, что существует определенного рода непрерывность многих институтов и социальных отношений, которые можно было наблюдать в период перехода от советского общества к постсоветскому. Следует отметить, что очень важно интерпретировать эту непрерывность не как иррациональное наследие прошлого, а как рациональный способ адаптации к настоящему. Интересующиеся результатами наших исследований могут найти целый ряд наших статей и докладов на вебсайте нашего проекта — www.warwick.ac.uk/russia.

— *Что, с Вашей точки зрения, происходило в России в 1990-е гг. и что происходит сейчас?*

— Я полагаю, что начиная, по крайней мере, с 1970-х гг., происходила постепенная интеграция России в глобальную капиталистическую экономику, и этот процесс нашел свое отражение в неуклонном росте зависимости советской экономики от экспорта топлива и различных видов сырья. Вплоть до середины 1980-х гг. эта интеграция находилась под строгим централизованным контролем со стороны государства, так что мировой рынок не оказывал непосредственного влияния на отечественную экономику. Однако стоило Горбачеву отменить государственную монополию на внешнюю торговлю, и движущую силу «перехода к рыночной экономике» было уже не остановить, а «переход к рыночной экономике» мог принять только форму перехода к капиталистической экономике, более или менее ярко выраженную. Таким образом, я считаю, что с конца 1980-х гг. Россия переживает процесс перехода к капитализму. Но этот переход не относится к числу тех процессов, характер и темп которых можно выбирать. Это длительный процесс, в рамках которого каждое предприятие или организация должны, испытывая давление конкуренции на мировом рынке, найти свою нишу, а России в целом приходится также искать свое место в мировой капиталистической системе. В настоящее время единственная позиция, которую удалось занять России, — это позиция поставщика дешевой энергии и металлов, а также второстепенного рынка сбыта товаров промышленного производства для стран, являющихся центром капиталистического накопления. Время покажет, сможет ли Россия сама стать центром капиталистического накопления, но прогнозы на этот счет не слишком оптимистичные. К числу больших недостатков России относятся климат, географическое положение и слабое развитие транспортной инфраструктуры. Кроме того, она во многом потеряла то преимущество, которое прежде обеспечивало ей большое количество высококвалифицированных научных и технических кадров. В то же время Россия не может конкурировать с Китаем в производстве дешевой продукции. Экономическая и социальная ситуация в стране, безусловно, улучшилась по сравнению с 1998 г., но лишь в том смысле, что катастрофический упадок сменился стагнацией. Социальные последствия этого бедственного упадка хорошо известны российскому населению, хотя ученые, работающие в сфере социальных наук, систематически преуменьшают его масштабы.

— *Можно ли оценить происходящее в России как переломный момент, или этот процесс следует понимать как-то иначе, и как именно?*

— Я не считаю, что в современной России сложилась какая-то особая ситуация или что Россия достигла какой-либо критической точки: об этом можно говорить исключительно в переносном смысле. Конечно, случай России относится к числу самых драматичных, но он чрезвычайно напоминает случаи других стран со средним уровнем дохода, которые серьезно пострадали от проникновения на внутренний рынок глобального капитала в последние двадцать лет. Особо я бы хотел выделить Бразилию и Аргентину, которые зачастую сталкиваются с теми же проблемами, что и Россия, причем перспективы их развития столь же неутешительны. Свою критическую точку Россия прошла уже очень давно — в декабре 1993, когда ельцинский

путч показал, что зависимость российской экономики и всего общества от динамики глобального капитала окончательно стала необратимой. Сейчас в России нет социальной или политической силы, которая указала бы новый, альтернативный путь развития; нет даже такой силы, которая протестовала бы, пусть даже тщетно, против текущего положения вещей. Но я могу ошибаться. Кто бы мог предположить в 1983 г., что Советский Союз уже стоит перед лицом поворотного пункта в своей истории?

— *Как вы расцениваете нынешнее положение социологии как науки, как образования и как прикладной профессии? Иными словами, можно ли зарабатывать, будучи социологом по профессии?*

— В Британии из тех, кто изучает социологию в университете, лишь скромное меньшинство становится профессиональными социологами. Социология обеспечивает интеллектуальную и профессиональную подготовку, в рамках которой студенты приобретают знания и навыки, применимые для широкого диапазона профессий. Профессиональные же социологи либо работают преподавателями, либо занимаются исследовательской деятельностью. Социология широко преподается в школах и колледжах, так что возможности преподавательской деятельности не ограничиваются исключительно университетом. Иногда преподаватели университетов также принимают участие в научных исследованиях, но зачастую преподавательская нагрузка настолько велика, что на исследования просто не остается времени. В целом карьера социолога-исследователя не слишком надежна: большинство таких специалистов работает по кратковременным контрактам в отдельных проектах, а когда проект заканчивается, они вынуждены искать другую работу или, если речь идет о ведущих специалистах, пытаться выиграть новый исследовательский грант. Те, кто работают в политически ориентированных исследовательских институтах, как правило, получают большие гарантии, так как их исследовательские проекты обычно обеспечиваются постоянным бюджетным финансированием.

Главное препятствие на пути развития социологических исследований и, соответственно, социологии как профессии, безусловно, лежит в финансовой сфере. В принципе социологические исследования должны восприниматься правительством как необходимые для диагностики социальных проблем, для разработки и оценки альтернативных курсов социальной политики. Однако правительство отнюдь не желает иметь дело с независимыми исследователями, которые говорят, что и как ему делать: ведь у него есть и собственные соображения относительно политического курса, которым оно намерено следовать (или Международный банк дает указания, какой именно курс ему следует выбрать). Кроме того, правительство не хочет, чтобы независимые исследователи констатировали возникновение новых социальных проблем или критиковали в печати недостатки уже существующей социальной политики. Более того, тщательно разработанное социологическое исследование требует значительных временных и материальных затрат, так что у правительства мало стимулов для финансирования независимых социологических исследований.

Думаю, существует еще одна проблема, которая особенно остро стоит в России. В отличие от медицины и других естественных наук социологии

еще не удалось создать эффективную систему профессиональной саморегуляции. Спонсоры социологических исследований, как правило, недостаточно компетентны, чтобы отличить высокопрофессиональное исследование от низкокачественного, поэтому они обычно стараются подыскать социологов, которые бы согласились работать за самую низкую плату. По этой причине социологам, которые могут проводить действительно серьезные социологические исследования, становится гораздо труднее выиграть конкурс на получение исследовательского гранта или заключения контракта.

— *Какие социологические исследования Вы намерены вести дальше?*

— Я никогда не строю особых планов относительно будущих исследований: просто смотрю, какие подворачиваются возможности. В настоящее время я принимаю участие в двух проектах. Один из них представляет собой серию case-study, посвященных реструктуризации управления на «прогрессивных» российских предприятиях. Другой — это новый проект по изучению развития профсоюзов в странах бывшего социализма. Мы стремились в рамках сравнительного исследования рассмотреть максимально большое количество стран бывшего социалистического лагеря. Кроме того, я в течение последних лет в сотрудничестве с китайскими коллегами провожу сравнительные исследования трудовых отношений в России и Китае. Ну, а после этого пора будет подумывать о жизни на пенсии!

*Интервью провел В. Козловский,
перевод с английского А. Хохловой*

Саймон Ричард Куртис Кларк (Simon Richard Curtis Clarke, 26.03.1946)

Образование

Clare College, Cambridge Economics Tripos, part II: Class I, 1964–67.

Department of Sociology, University of Essex, SSRC-supported doctoral student, 1968–71.
PhD awarded 1975: «The Structuralism of Claude Lévi-Strauss».

Профессиональная деятельность

Professor, Department of Sociology, University of Warwick, October 1994 – present.

Reader, Department of Sociology, University of Warwick, October 1991 – September 1994.

Senior Lecturer, Department of Sociology, University of Warwick, October 1981 – September 1991.

Chair of Sociology Department, 1982–85.

Director of the Sociology Graduate School, 1989–92.

Lecturer, Department of Sociology, University of Warwick, October 1972 – September 1981.

Lecturer, Department of Sociology, University of Essex, October 1971 – September 1972.

Assistant Lecturer, Department of Political Economy, University College, London, October 1967 – September 1968.

Advisory Mission to Oilfield Workers' Trade Union of Trinidad, June – July 1967.

Statistical Assistant, National Institute for Economic and Social Research, January – June 1964, June – September 1965.

Основные публикации (книги)

- Problems of Growth in the Third World. London: Sheed and Ward, 1974. 58 pp.
The Development of Capitalism. London: Sheed and Ward, 1974. 56 pp.
(et al.) One Dimensional Marxism. London: Allison and Busby/New York: Schocken Books, 1980. 256 pp.
Financial Aspects of Economic Sanctions on South Africa. Geneva: IUEF, 1980. 126 pp.
The Foundations of Structuralism: A Critique of Lévi-Strauss and the Structuralist Movement. Sussex: Harvester/New York: Barnes and Noble, 1981. 248 pp.
Marx, Marginalism and Modern Sociology, London: Macmillan/New York: Humanities, 1982. 248 pp.
Keynesianism, Monetarism and the Crisis of the State. London and Vermont: Edward Elgar, 1988. 376 pp.
(edited) The State Debate. London: Macmillan, 1991. 275 pp.
Marx, Marginalism and Modern Sociology. London: Macmillan. Revised and Expanded Edition, 1991. 339 pp.
(with Peter Fairbrother, Michael Burawoy and Pavel Krotov) What about the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia. London: Verso, 1993. 248 pp.
Marx's Theory of Crisis. Basingstoke: Macmillan, 1994. 293 pp.
(edited, translated and introduced) Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition. Cheltenham: Edward Elgar, 1995. 244 pp.
(with Peter Fairbrother and Vadim Borisov) The Workers' Movement in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 1995. 431 pp.
(edited, translated and introduced) Conflict and Change in the Russian Industrial Enterprise. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. 290 pp.
(edited, translated and introduced) Labour Relations in Transition: Wages, Employment and Industrial Conflict in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. 285 pp.
(edited, translated and introduced) The Russian Enterprise in Transition: Case Studies. Cheltenham: Edward Elgar, 1996. 395 pp.
(и др.) Реструктурирование занятости и развитие рынков труда в России. Москва: ИСИТО, 1996, 234 с.
(et al.) The Restructuring of Employment and the Formation of a Labour Market in Russia. Moscow and CCLS, Warwick: ISITO, 1996. 267 pp.
(with Sarah Ashwin) The Development of Industrial Relations in Russia, report for the ILO Task Force on industrial relations, December 1996. 179 pp.
(et al.) Structural Adjustment without Mass Unemployment? Lessons from Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 1998. 346 pp.
(with the assistance of Jeannie Holmes) Poverty in Transition. Report for the Department of International Development, CCLS Warwick, December 1997.
New Forms of Employment and Household Survival Strategies in Russia. Moscow: CCLS, Warwick and ISITO, 1999. VI + 250 pp.
(совместно с Вероникой Кабалиной, соредактор) Занятость и поведение домохозяйств. Москва: РОССПЭН, 1999. 311 с.
The Formation of a Labour Market in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 1999. xvi + 309 pp.

Making Ends Meet: Household Survival Strategies in Russia. Cheltenham: Edward Elgar.

Age and Gender in the Russian Labour Market. Cheltenham: Edward Elgar.

(with Sarah Ashwin) Trade Unions and Industrial Relations in Post-Communist Russia. Palgrave.

(with Vadim Borisov and Annette Robertson) The Restructuring of the Russian Coal-Mining Industry. Cheltenham: Edward Elgar.

Избранные статьи на русском языке

Был ли Ленин марксистом? // Рубеж. 1992. № 3.

Почему кризис поразил советскую систему? // Социологические очерки. № 2. Москва, 1992.

(в соавторстве с Вероникой Кабалиной) Политика приватизации и борьба за контроль над предприятием в России // Рубеж. 1996. № 8–9. С. 60–97.

Классовая структура России в переходный период // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 66–86.

Шаг назад и два прыжка в сторону от рынка // Эко. 1998. № 3. С. 122–7.

Бедность в России // Эко. 1998. № 10–12.

Рынок труда в России // Аспекты социальной теории и современное общество / Под ред. А. Согомонова, С. Кухтерина. Москва: Институт социологии РАН, 1999. С. 73–120.

Новые формы трудового договора и гибкость труда в России // Вопросы экономики. 1999. № 11.